

Карантинная планета

Андрей АНИСИМОВ

Алуф торжествовал. Всё складывалось как нельзя лучше, и, хотя проверка ещё не завершилась, у него были все основания поздравить себя с успехом. Пятнадцать этапов — и все пройдены с первого раза. Не сказать, чтобы без сучка и задоринки, но помарки бывают даже у маститых косморазведчиков. А он всего-то кандидат. Впрочем, уже не просто кандидат, — без пяти минут младший разведлегионер. Даже если здесь его постигнет провал и придётся идти на второй круг, общий балл, с учётом успешных предыдущих этапов, будет достаточным, чтобы Прокторы засчитали проверку пройденной. Так что его самоназначение в первый, низший ранг косморазведки отнюдь не преждевременно; он действительно уже почти разведчик. Остался единственный шаг до этого — последний, шестнадцатый этап. Последний шаг к заветной цели. И этот шаг — успешный или нет — предстоит сделать на этой вот, затерянной на окраине Галактики, планете.

Алуф высвободился из цепких щупалец аналитического комплекса, в очередной раз проверяющего правильность функционирования его нового организма, и шагнул к огромному, почти во весь пол, панорамному иллюминатору. Передвигаться таким вот способом, на двух нижних конечностях, было непривычно, однако именно так ходили аборигены этого мира: вытянувшись вверх и переставляя поочередно эти конечности, которые они именовали ногами. Неудобно и неустойчиво, сказал себе Алуф в первый день знакомства со здешней цивилизацией, но вскоре понял, что это не единственная сложность. Будучи Статичными Формами Жизни, они, тем не менее, являли собой едва ли не самую несуразную из них, ибо имели лишь внутренний скелет, на котором держалась мягкая плоть и столь же мягкие органы, защищённые снаружи лишь тонкой и крайне непрочной кожаной оболочкой. За исключением разве что мозга. Поддерживать форму столь хлябистого тела, оказалось

довольно проблематичным делом, особенно при движении, и Алуфу потребовалось немало времени, чтобы приспособиться к нему. Теперь, без сомнения, он владел им в совершенстве, хотя временами и хотелось сбросить с себя эту опостылевшую статичность, став вновь перетекателем, коим он и был от рождения.

Поборов в себе эти предательские желания, Алуф заглянул вниз, на плывущую далеко внизу, чуть искажённую маскировочными полями его орбитальной базы, планету, потом принялся ходить вокруг иллюминатора, помахивая парой верхних конечностей — рук, поглядывая при этом на свои отражения в полированных стенах каюты, и чувствуя, как по его псевдокоже трутся куски материи, которые аборигены называли одеждой.

Ещё одна нелепость.

Местные почти поголовно и почти всегда носили её на себе, временами меняя на другую, более лёгкую или более плотную, в зависимости от погодных условий. Создавать естественные защитные оболочки они не умели, как и адаптировать свой организм к изменчивым погодным условиям иным способом. Они были на редкость малоприспособляемым видом, с очень узким диапазоном приемлемых жизненных условий. Неудивительно, что им приходилось прибегать к одежде. Приручить себя к ней, чётко разобраться, что тут к чему, также потребовало времени. Но всё это было сущим пустяком по сравнению с их разумом. Вот где ему действительно пришлось помучаться.

То был хаос, клубок диких нелогичностей и противоречий, распутывать который он начал с той самой минуты, как только запущенные зонды начали доставлять первую информацию с поверхности планеты. Погружение в пучину чужого мышления, понимание его особенностей, всех нюансов и заковык — самое трудное в профессии косморазведчика, но перетекатели никогда бы не достигли таких высот на поприще изучения иных миров и их обитателей, если бы не смогли одолеть эту сложность. Их мозг, столь же пластичный, как и тело, мог копировать не только форму и структуру мозга того, в кого предстояло

* * *

перевоплотиться, но и его сущность, все особенности функционирования, другими словами всё то, что в первую очередь отличало одну звёздную расу от другой. Это было высшее искусство, которому учили лучшие из лучших, настоящие мастера своего дела, и Алуф оказался достойным учеником. И пятнадцать успешно пройденных этапов были тому подтверждением. Ведь скопировать тело, подвергнув себя трансформации — очень просто, зная анатомические особенности, а вот стать кем-то вплоть до образа мышления, тут нужны глубокие знания и, конечно же, опыт. Имея достаточно немало первого и сравнительно немного второго, Алуф, не претендуя, конечно, на Высшую Степень Достоверности, сумел-таки выполнить возложенные на него проверки миссии, одолев разум всех пятнадцати звёздных рас. Насколько он справился с шестнадцатым, должен был показать последний этап.

Теперь оставалось только спуститься вниз и провести среди аборигенов положенные десять местных дней, не вызывая их подозрения к собственной персоне. А там — возвращение на родную Непеллу и первое настоящее задание, в настоящей разведывательной группе, на настоящей необследованной планете, на которую ещё не высаживался ни один перетекатель. От такой перспективы дух захватывало.

Алуф улыбнулся, автоматически отметив правильное соответствие мимики лица мыслям. Затем снова заглянул вниз. База теперь летела над ночной стороной, и в черноте исполинского планетарного диска виднелись яркие искры разбросанных по нему городов. Завтра ему предстоит высадиться возле одного из них. И он уже выбрал, возле какого именно.

Итак, его ждёт Земля (странное название для планеты, большую часть которой занимает вода), и аборигены, именующие себя людьми, и которые даже не подозревают, что за ними многие дни и недели наблюдает представитель самой развитой в Галактике цивилизации.

Уж он-то постарается, чтобы на сей раз всё прошло гладко.

Прокторы будут довольны им.

Транспортное кольцо бережно опустило его в мягкую зелень травы. И медленно пропало, растворившись в маскировочных полях. Алуф топтался на месте, пробуя прочность грунта, затем огляделся.

Местность, в которой он очутился, не выделялась ничем особенным. С одной стороны виднелась небольшая рошица, там же проглядывала неширокая полоска воды — речушка, наполовину заросшая камышом. С другой стороны тянулся ряд столбов с висящими на них проводами и дорога, совершенно пустынная в этот утренний час; ни аборигенов, ни их допотопных рычащих и дребезжащих повозок, которые они называют «машинами» или «автомобилями». И дорога, и тянувшаяся вдоль неё линия уходили к покрытому туманной дымкой скопленному домов. Небольшой городок, который Алуф и выбрал своей целью.

До ближайших домов было не больше трёх гевертов, или километров шесть по местным меркам. К тому времени, когда он доберётся до него, местные как раз выйдут из своей обыденной ночной спячки и займутся повседневными делами. Как он и рассчитывал.

Алуф постоял ещё немного, раздумывая, как ему лучше идти — напрямик, через поле, или по дороге, выбрав, в конце концов, второй вариант. Дойдя до дороги, он отметил наличие в проводах напряжения, после чего внимательно осмотрел дорожное покрытие. Оно было шероховатым и, должно быть, очень старым, ибо его покрывали многочисленные трещины, а местами даже небольшие выбоины. Подивившись такой низкой прочности этого материала, Алуф бодро зашагал по обочине, как предписывали местные правила. Убедившись, что за ним никто не наблюдает, он попробовал пробежаться, однако вскоре оставил эту затею. Сердце начало так биться, что он испугался за его целостность. Совершенно непонятно было, как люди могли устраивать свои спортивные игрища, имея такое хрупкое строение.

Дорога впереди делала поворот, огибая один из холмов, и, завернув за него, Алуф увидел первого настоящего аборигена. Тот копался в своей

машине, забравшись внутрь её передней части едва ли не наполовину. Поначалу Алуф хотел пройти мимо, по-тихому, незамеченным, но что-то заставило его остановиться. Встав рядом с машиной, он заглянул в её пахнущие бензином внутренности и поздоровался:

— Доброе утро.

— Это кому как, — отозвался абориген, поворачивая голову на голос. — Лично для меня никакое оно не доброе. Полночи копаюсь, всю батарею у фонаря посадил.

— Гм. — Алуф озадаченно умолк от такой длинной тирады, после чего снова заглянул в мотор. — Помочь чем-нибудь?

— Нет, спасибо. — Абориген вытащил из моторных недр измазанные в смазке руки и с грохотом захлопнул закрывающую его крышку. — Я всё уже исправил.

— В таком случае, всего хорошего, — сказал Алуф, надеясь, что правильно составил прощальную фразу. Обычно говорили: «до свидания» или «пока», но эта также фигурировала в лексиконе местных, хотя и не часто. Он повернулся, собираясь уходить, как вдруг абориген окликнул его:

— Эй, приятель! Ты в город? Могу подвезти.

— Было бы неплохо, — обрадовался Алуф. Перспектива трястись в этом железном ящике ему не улыбалась, однако так он смог бы сэкономить силы и наладить первый контакт с жителями этой планеты. Такую возможность упускать было нельзя.

— Тогда садись.

Вспомнив, как надо залезать в это механическое чудовище, Алуф открыл переднюю дверцу, пригнулся и достаточно ловко плюхнулся на сиденье. Абориген тем временем вытер руки куском материи и уселся рядом, втиснув своё брюхо в промежуток между креслом и торчащим рулевым приспособлением.

— Ну-ка. — Абориген проделал какие-то манипуляции, после чего изнутри машины раздался скрежет, сменившийся басовитым урчанием заработавшего мотора.

— Порядок!

Машина тронулась, и, как ни странно, довольно плавно покатила по дороге,

и совсем при этом не дребезжа. Ехать оказалось даже приятно, и Алуф поймав себя на том, что получает от этого удовольствие.

Несколько минут они ехали молча, затем абориген поинтересовался:

— Ну и как тебе первые впечатления от Земли?

— Ничего, — беспечно ответил Алуф. — Я...

И осёкся.

— Простите, что вы сказали?

— Всё нормально, приятель, — сказал абориген. — Успокойся.

Алуф весь сжался.

— Я вас не понимаю.

— А я думаю, что ты прекрасно понимаешь меня, кандидат Алуф, — спокойно проговорил абориген, вертя своё рулевое приспособление. — Я думал, ты появишься раньше. Всю ночь проторчал на дороге, поджидая тебя. Не очень-то ты торопился сюда, а?

Алуф совсем растерялся. Понимая лишь то, что его инкогнито раскрыто, он мысленно набрал код вызова транспортного кольца, однако абориген сразу пресёк эту попытку:

— Можешь не стараться. Кольцо заблокировано. Так что сиди и не дёргайся.

— Кто вы? — выдавил из себя Алуф.

— А ты не догадываешься?

— Так вы тоже... перетекатель?

Абориген усмехнулся.

— Разумеется.

— Тогда я ничего не понимаю, — сдался Алуф. — Насколько мне известно, на этой планете не должно быть никого из перетекателей, кроме меня. Это закрытая зона. Как вы тут оказались?

— Правильнее сказать: зачем? — поправил его лжеабориген. — Адаптация. Должен же кто-то помочь тебе обосноваться в этом мире.

— Обосноваться? Подождите-ка, — затряс головой Алуф. — Я не должен тут обосновываться. Это не входит в программу шестнадцатого этапа проверки. Я просто...

— А это и не проверка, приятель, — заметил лжеабориген. — Нет никакого шестнадцатого этапа. Проверку ты уже прошёл. А планета и вправду закрыта, только по другой причине — это карантинная планета.

— Карантин? — переспросил потрясённый услышанным Алуф. — Вы

хотите сказать, что я мог принести с собой заразу с одной из пятнадцати планет. Но телеметрия ничего не обнаружила.

— В биологическом плане — нет, не бойся. Дело в другом. Самый страшный вирус, который разведчик может принести с собой, — это вирус чужого разума. Вот его-то и следует выявить.

— Я и не подозревал о таком, — медленно проговорил Алуф. — И что, он настолько опасен?

— Ещё как! — заверил его лжеабориген. — Те изменения, что, возможно, произошли в твоём сознании после стольких этапов проверки, несут в себе чудовищную разрушительную силу. Хуже всего то, что опасность они представляют не только для их носителя, но и для окружающих его перетекателей. Сознание не должно претерпевать никаких изменений, даже самых незначительных — это непреложное условие, обеспечивающее целостность, а следовательно, и здоровье каждой отдельной личности, и всего нашего общества в целом. А кандидат, чьи навыки во «вживлении» в чужой разум ещё недостаточно отработаны, подвержен опасности заражения как никто другой.

— Ни разу не слышал, чтобы подобное происходило с кем-нибудь.

— И не услышишь. Такие случаи держатся в строжайшем секрете.

— Значит, карантин. — Алуф помолчал, обдумывая свой положение, потом спросил. — Где я буду содержаться?

— Содержаться? — Лжеабориген рассмеялся. — Первое время поживёшь со мной, а потом — сам решаешь. У тебя полная свобода передвижений... в пределах планеты. Тестировать твой мозг мы можем и дистанционно.

— Значит, вся моя подготовка — трансформация, познание особенностей мышления, психология людей, их жизненный уклад, языки и прочее — впустую? Лишь для того, чтобы не быть затворником?

— И да и нет. «Вживление» в разум людей — необходимость. У него есть одна интересная особенность: на его фоне, или, вернее, под его воздействием изменения в нашем разуме выявляются легче всего. Удивительно, но это факт. Ну, и, конечно, адаптация,

куда же без неё. Не будешь же ты, действительно, столько времени сидеть за глухими стенами.

— А сколько продлится карантин? — спросил Алуф и только тут заметил, что они уже въехали в город и движутся по одной из его улиц.

Лжеабориген повернул на соседнюю улицу, остановил машину у ничем не примечательного дома и ответил:

— Три здешних года. Или около двух стандартных непелланских.

Алуф открыл рот.

— Так долго?

— Вирус проявляется не сразу, у него длительный... э-э-э... инкубационный период. Если можно так выразиться.

— И каждый из кандидатов попадает в карантин?

— Каждый, кто добирается до последнего этапа, вне зависимости от того, сколько кругов ему пришлось для этого сделать. Ты прошёл всё с первого раза, стало быть первым из своей группы и попал сюда. Впрочем, это удел не только кандидатов. Каждый косморазведчик, рано или поздно, должен проходить тестирование. Таковы правила.

— Не понимаю, — проговорил Алуф. — Зачем эти хитрости с шестнадцатым этапом? Можно было бы сказать открыто...

— Поначалу так и было, — кивнул лжеабориген, — но потом обнаружилось, что некоторые кандидаты сознательно уменьшают степень «вживления» в человеческий разум, дабы избежать более полного и детального зондирования, из опасения провалить тест. Тогда-то и придумали этот трюк.

— А если я тоже не пройду его? — спросил Алуф.

— Ничего не поделаешь — придётся тебе остаться здесь. Навсегда.

— Что?! — вскричал Алуф.

— Иначе — никак, — твёрдо заявил лжеабориген. — А чему ты, собственно, удивляешься? Коли уж выбрал профессию косморазведчика, будь готов ко всему. Так что держись, приятель.

Лжеабориген открыл свою дверцу, но прежде, чем вылезти, наградил ошарашенного Алуфа самым что ни на есть человеческим жестом — дружеским похлопыванием по плечу. tm